

## ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ЗАСЕЛЕНИЕ И АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Подушная подать и другие налоги серьезно влияли на заселение и освоение земель на юго-востоке Европейской России. Они толкали крестьян к бегству на окраины страны, а власти с помощью их регулирования пытались взять это народное движение под контроль.

*Ключевые слова:* Россия в XVIII–XIX вв., история Поволжья, колонизация, аграрные отношения, фискальная политика.

Многие аспекты заселения и аграрного освоения Заволжья в XVIII – первой половины XIX вв., а также источники и историография по теме уже рассматривались в литературе [6, с. 24–77]. Данная статья посвящена воздействию, которое оказала на эти процессы налоговая политика государства.

Начало массовой земледельческой оседлой колонизации Заволжья следует отнести к 1736 г., когда началось создание Самарской укрепленной линии, в крепостях которой стали поселяться казаки, вошедшие затем в состав нового Оренбургского войска. Главным средством обеспечения себя и своих семей для них стали сельскохозяйственные занятия.

Руководство Оренбургской экспедиции (комиссии) во главе сначала с И.К. Кириловым, а затем – В.Н. Татищевым для обеспечения и укрепления служилыми людьми широко практиковало прием беглых, в основном крестьян разных категорий. Дав согласие на легализацию беглых, правительство потребовало от нового начальника комиссии В.А. Урусова, сменившего Татищева, провести перепись поверстанных на казачью службу [8, с. 192–193].

В ходе этой переписи, проведенной весной 1740 г., выяснилось, что «в регулярные и другие службы» было зачислено 5154 чел. муж. пола беглых и самовольных переселенцев. Из них за вычетом зауральских укреплений в крепостях по рекам Самаре и Яику было переписано 2097 новоприборных казаков, 1567 чел. их родни мужского и 2343

---

<sup>1</sup> Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, Самарский государственный университет, smirnov195503@yandex.ru, Россия, г. Самара.

чел. женского пола, которые оказались выходцами из 136 уездов, городов, украинских полков, других территориальных единиц России и сопредельных стран<sup>2</sup>.

Подавляющее число беглецов дали города и уезды, расположенные по Волге (677 чел. или 32 % лиц, указавших место выхода)<sup>3</sup>, по старым пограничным линиям волжского Правобережья (410 чел. или 20 %)<sup>4</sup>, в центральных районах страны (458 чел. или 22 %)<sup>5</sup>. Ближние к Заволжью уезды иногда служили только дорогой, по которой проходили беглецы из центра государства. Так, отец казака А.Т. Резвякова из ямщиков г. Касимова ушел в Алатырский уезд к помещику Акинфову, где и родился его сын, позднее «не похотевший» жить у помещика и «сошедший» в Самару, где пребывало руководство Оренбургской комиссии. Со всех других территорий<sup>6</sup> пришло в общей сложности 552 чел. или 26 % указавших происхождение.

---

<sup>2</sup> Здесь и ниже подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 144.

<sup>3</sup> Уезды Симбирский – 257 чел., Нижегородский – 152, Казанский – 105, Самарский – 63, Сызранский – 17, Саратовский – 12, Свияжский – 14, Чебоксарский – 10, Курмышский – 5, Тетюшский – 2, города Астрахань – 4, Билярск – 3, Царицын, Санчурск, Малмыж, Ядрин – по 1, пригороды Алексеевск – 4, Кашпир – 6, Петровск – 11, Починковская волость – 9.

<sup>4</sup> Уезды Алатырский – 102 чел., Пензенский – 98, Арзамасский – 79, Саранский – 58, Керенский – 24, Ломовский – 14, Инсарский – 11, Кадомский – 6, Норовчатский – 5, Карсунский – 2, город Мокшан – 1.

<sup>5</sup> Уезды Костромской – 38 чел., Балахнинский – 21, Пошехонский – 19, Ярославский – 8, Галицкий – 6, Кашинский – 6, Юрьевецкий – 5, Романовский – 5, Устюженский – 5, Углицкий – 5, Унженский – 2, Кинешмский – 1, Тверской – 1, Муромский – 39, Переяславский-Рязанский – 16, Касимовский – 16, Скопинский – 9, Коломенский – 9, Пронский – 6, Темниковский – 4, Михайловский – 4, Каширский – 3, Калужский – 2, Сапожковский – 2, Тульский – 1, Елатемский – 1, Суздальский – 69, Владимирский – 57, Московский – 22, Переяславский-Залесский – 18, Ростовский – 14, Гороховецкий – 12, Вязниковский – 6, Луховский – 6, Юрьев-Польский – 6, Дмитровский – 1, Звенигородский – 1, город Судиславль – 1.

<sup>6</sup> Слободская Украина – 136 чел., бывшая Гетманщина – 55, Речь Посполитая – 10, Дон – 47, Яик – 105, Сакмарский городок – 2, уезды Уфимский – 71, Вологодский – 17, Белозерский – 7, Новгородский – 5, Олонецкий – 5, Великоустюжский – 3, Важский – 3, Тотемский – 2, Петербургский – 1, Псковский – 1, Каргопольский – 1, Ревельский – 1, Смоленский – 2, Шацкий – 17, Тамбовский – 13, Ряжский – 3, Козловский – 2, Борисоглебский – 1, Воронежский – 5, Елецкий – 5, Ливенский – 3, Рыльский – 1, Кунгурский – 4, Хлыновский – 3, Пермский – 1, Яранский – 1, Елабужский – 1, Кайгородский – 1, Сибирь – 9, Калмыцкая орда – 8.

Из 168 сказок о казаках Красносамарской крепости, не более чем в 10 указывался прямой побег, подобный тому, что совершил крестьянин Арзамасской вотчины графа Скавронского Лукьян Куклев, который ушел без ведома приказчика и старосты в Самару, где определился в казаки. В большинстве случаев передвижение было сложнее, как произошло с П.И. Мухиным, который из дворцовой Юхмоцкой волости Суздальского уезда сошел в с. Селитьбу Нижегородского уезда в вотчину кн. А.М. Черкасского, затем бежал в Симбирский уезд, и только потом в Самару.

Перейдя к социальному происхождению казаков, отметим, что почти 47 % общего числа (983 чел.) – бывшие дворцовые крестьяне. Население дворцовых вотчин более других сохранило фактическую свободу передвижения, чем и могло воспользоваться при необходимости. Значительное бегство с дворцовых земель вызывалось также тяжестью налогов, повинностей и притеснениями раскольников, в том числе в виде увеличенных податей, а их было немало среди жителей этих волостей.

Второе место занимают крестьяне церковных учреждений (327 чел. или 15,6 %). Видимо, контроль за их перемещениями был недостаточен сильным, чтобы прекратить побег. С другой стороны, именно крепким надзором следует объяснить сравнительно малое число беглецов из помещичьих крестьян (159 чел. или 7,6 %), хотя их в стране было гораздо больше, чем дворцовых или монастырских. За ними идут (135 чел. или 6,4 %) крестьяне из потомков служилых людей (пахотные солдаты и однодворцы) и ямщики. Выходцы из нерусского крестьянского и служилого населения Поволжья и Приуралья составляют 89 чел. (4,2 %). Число бывших посадских людей – 28 чел. (1,4 %). 366 чел. – казаки (17,4 %), как русские с Дона и Яика, так и украинские.

Самой распространенной в показаниях переселенцев причиной побегов было желание уклониться от подушной переписи и избежать возлагаемых в ходе нее налогов и повинностей. Еще одной причиной называлось разорение от податей, а также вызванный обнищанием голод.

Положение беглеца, скрывавшего самовольный уход, было тяжелым. Положение скрытого другими было не лучше. Сотники, старосты, посадские люди, духовенство и, наконец, воеводы, принимая и укрывая беглых, получали в свои руки практически даровой труд работников, которых держали в повиновении угрозой выдачи. Такая эксплуатация беглых была особенно распространена в Поволжье. Набор в казаки открывал выход из невыносимого положения. Служба на пограничной линии была тяжела, но давала легальное положение людям, давно его потерявшим, что было для многих желанным концом долгих страданий и скитальческой жизни. Для беглого поверстаться в казаки означало приобрести устойчивый социальный статус, а с ним защиту от произвола.

Если на укрепленных линиях власти шли на включение беглых в состав неподатного служилого населения, то на территориях под их защитой практиковалось наделение землей сходцев, скрывавшихся от уплаты подушной подати, на условиях их включения или возвращения в число налогоплательщиков. При этом их не отсылали на бывшие места жительства и не обращали в прежнее состояние.

В 1741 г. близ Самары среди крещеных калмыков, которым отвели здесь кочевья, было решено расселить русских самовольных сходцев, обнаруженных на приволжских землях, пожалованных Новодевичьему монастырю еще в 1683 г. [12, с. 27–28]. Управители его огромной, но малонаселенной вотчины в районе Самарской Луки, охотно принимали и расселяли между своими крестьянами пришлых людей.

На этот раз власти выявили 282 души муж. пола незаконных переселенцев: 144 станичных казака, 34 пахотных солдата, 32 стрельца, 20 посадских людей, 11 ямщиков и записных неводчиков, 41 чел. из бобылей и кузнецов. Они оказались выходцами из Нижегородского, Пензенского и Тамбовского уездов, городов Темникова, Вязников, других мест и все предпочли переселение на левый берег Волги напротив села Новодевичьего возвращению в родные края, удаленные за сотни и даже тысячи верст. Их перевели в разряд ясачных (государственных) крестьян с несением подушного оклада и прочих повинностей. Одновременно давалось указание выяснить, нет ли в вотчине этого монастыря или в других местах еще таковых людей, которых тоже можно подселить к калмыкам. В результате возникли новые слободы Курумоч (Богоявленская), Преображенская (Кошки), Воскресенская (Ягодное). В них русских селили вместе с калмыками, в надежде на то, что кочевники, «живя между крестьян и смотря на них, весьма охотно за кошение сена и за пашню и к строению дворов своих примутся...; к тому ж можно приводить, чтоб калмыки женились на русских, а русские брали калмычек, и тем мешать их с российской нациею» [9, с. 141–142].

Похожим образом поступали с «непомнящими родства», которых, не возвращая на прежние места жительства, расселяли в слободах, которые возникли на Новой Московской дороге в Оренбург. Ссылка на «невозможность» вспомнить свое происхождение, место рождения и прежнего проживания – обычный прием задержанных властями беглых, не желавших возвращения к прежним хозяевам или в прежнее состояние. В 1746 г. Сенат утвердил представление первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева о высылке всех «не помнящих родства», обнаруженных во время ревизии в различных частях России, на поселение в Оренбургскую губернию. Там их водворяли на Новую Московскую дорогу, обязывая повинностями по ее содержанию и платежом подушной подати наравне с ясачными крестьянами [5, с. 464, 488].

Основание первой слободы, Большой Бугульминской, в литературе принято относить к 1745 г. Сами здешние жители в середине XVIII в.

называли датой ее поселения 1747 год, что более согласуется с началом массового переселения «непомнящих родства» в 1746 г. Эта слобода стала административным центром Новой Московской дороги («Бугульминского ведомства»). Датой своего водворения обитатели Письмянской слободы указывали также 1747 г., а Малой Бугульминской слободы — 1750 г. Бугурусланская слобода была основана около 1748 г. В вышеперечисленных слободах преобладали русские. «Непомнящих родства» из новокрещенной мордвы, как правило, водворяли в селах Мордовский Бугуруслан и Сок Кармала между Бугурусланом и Бугульмой [9, с. 181].

В Бугульминском ведомстве имелись и жители, не положенные в подушный оклад. В тех же селениях, где водворялись «не помнящие родства», были поселены отставные нижние чины, которые также проживали в отдельных поселках, например, Кувацкой слободе. Не обязывались податями и повинностями также некоторые из «непомнящих родства», которые оказывались престарелыми, больными и увечными. Наличие таковых среди людей, высланных на Новую Московскую дорогу, заставило Сенат в 1748 г. разрешить устройство в Бугульме богадельни. В нее первоначально было определено 34 чел., которые «за старостию, дряхлостию и одиночеством к платежу подушного оклада явились ненадежны»<sup>7</sup>. Требования других категорий государственных крестьян о выключке из подушного платежа нетрудоспособных оставлялись властями без ответа [4, с. 89].

Численность «непомнящих родства» в Бугульминском ведомстве, занимавшем восточную часть Самарского Заволжья, составила по 2-й ревизии 2088 душ муж. пола. По 3-й ревизии она возросла до 2222 ревизских душ<sup>8</sup>.

В стремлении взять под контроль потоки переселенцев в Заволжье власти достаточно преуспели после подавления восстания 1773–1775 гг. и реализации административной реформы Екатерины II. Укрепление государственной власти на окраинах страны привело к прекращению притока в сельскую местность беглых, укрывавшихся от государственных налогов, произвола властей и помещичьего гнета.

Желание отдельных чиновников или управителей потакать беглым для достижения своих интересов пресекалось возросшей активностью местного дворянства. Так, в 1784 г., по требованию помещиков разных губерний, дворянский заседатель Бугурусланского нижнего земского суда прапорщик Кокосhev явился на казенный Абдуловский винокуренный завод, где заводская администрация принимала «заведомо беглых в работу», и захватил из них 19 мужчин и женщин, получил

---

<sup>7</sup> ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. XII. № 9501. С. 864.

<sup>8</sup> Переписи населения России. Вып. III. М., 1972. С. 236.

обещание выдать скрывшихся от его команды, а также добился своими действиями замены тамошнего смотрителя новым управляющим<sup>9</sup>.

Часто помещики предпочитали не возвращать найденных людей в старинные места жительства, а водворяли их в новых заволжских поселках. В 1784 г. отставной поручик Р.И. Ждамиров обнаружил среди бугурусланских государственных крестьян Агафона Иванова, бежавшего еще в 1769 г. из его деревни в Алатырском уезде. В ходе следствия выяснилось, что первоначально тот ушел в раскольничьи поселки на Иргиз, где провел 8 лет, а затем купил чужую отпускную. С ней он явился властям, получив разрешение поселиться и записаться в подушный оклад в Бугуруслане. По просьбе хозяина, беглеца не отправили на родину, а определили на жительство в д. Ждамировку соседнего Бузулукского уезда<sup>10</sup>.

В последние годы XVIII в. беглые, которых случалось схватить в селах Заволжья, как правило, были не из числа здесь осевших, а из тех, кто пробирался дальше на восток или юг по старинным «сиротским» дорогам и по Волге, а также из тех, кто просто разбойничал на этих путях<sup>11</sup>. Однако самовольные переселения не прекращались, приняв теперь форму выхода государственных крестьян на незаселенные земли. За пользование ими и повышение своего достатка крестьяне были готовы нести установленные повинности, представлявшиеся чрезвычайными в малоземельных районах.

Межевая инструкция 1766 г. предусматривала выделение земель для государственных и дворцовых крестьян, испытывавших недостаток в сельскохозяйственных угодьях. При нехватке казенной земли на месте жительства и в его окрестностях желавшие получить полную 15-десятинную «препорцию» крестьяне могли из плотно заселенных уездов перебираться в Заволжье, располагавшее незанятыми степными участками. Уже в наказах депутатам Уложенной комиссии 1767–1768 гг. государственные крестьяне требовали выполнения этой нормы [3, с. 228–229]. Однако полномасштабная реализация Межевой инструкции стала осуществляться в Оренбургской, Симбирской и Саратовской губерниях, в состав которых входила территория Заволжья, когда в них началось Генеральное межевание, то есть с 1798 г. [1, с. 732].

На казенных землях так называемой «Уральской степи» к югу и востоку от г. Самары были заселены «переведенцами из разных селений» поселки государственных крестьян: Русские, Мордовские и Чу-

---

<sup>9</sup> Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 68. Оп. 1. Д. 1а. Л. 119–120, 123, 281.

<sup>10</sup> ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1а. Л. 7, 22–23, 213.

<sup>11</sup> Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 732. Оп. 2. Д. 456. Л. 10–10 об.

вашские Липяги, Дубовый Умет, Чернореченская, Спиридоновка, Колывань. Если в 1783 г. в Дубовом Умете числилось 54 души м.п. ясачных и экономических крестьян, то в 1799 г. их уже было 164. За тот же срок население Спиридоновки увеличилось со 121 до 220 душ м.п., а Чернореченской — с 27 до 123. Этот рост числа жителей происходил за счет переведенных «по позволению» Симбирской казенной палаты<sup>12</sup>.

В 1801 г. та же казенная палата по прошению экономических крестьян правобережных сел Студенца и Рачейки Сызранского уезда определила отдать им свободные земли при верховьях реки Безенчук. Земли отводились на 277 переселенцев. Возникла деревня Новый Студенец, Безенчук тож (ныне с. Студенцы)<sup>13</sup>.

Переселенческие потоки в Симбирской губернии, где свободных и незаселенных пространств оставалось не очень много, внимательно контролировались местными властями. Случаев же переселения при посредстве казенных палат в заволжские уезды еще пустынного и малолюдного Оренбургского края встречалось меньше, здесь «абсолютное большинство переселений государственных крестьян происходило самовольно» [11, с. 92]. Администрация и межевщики в восточных уездах Заволжья ставились, как правило, перед уже свершившимися фактами появления новых поселков на свободных землях.

Сравнительно новым явлением стало широкое переселенческое движение в Заволжье из центральных и черноземных губерний страны. До конца XVIII в. среди здешних новоселов преобладали выходцы из уездов, лежавших по Волге и ее притокам, а, следовательно, среди них было много представителей народов Поволжья: мордвы, чувашей, татар [2]. На рубеже XVIII—XIX вв. дальние переходы становятся столь же обычным делом, как и прибытие новых жителей из более близких и доступных мест Правобережья и Верхневолжья. Такое изменение географии выходов означало усиление роли русских в освоении заволжских пространств.

С 1799 по 1811 г. в Бузулукский уезд прибыло из Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Казанской, Нижегородской губерний, а также из правобережных уездов губерний Саратовской и Симбирской более 14 тыс. душ м.п., в основном русских государственных крестьян. Среди них мордовских, чувашских и татарских крестьян оказалось всего около 1,7 тыс. душ м.п. Более сложной в этническом отношении оставалась миграция в северо-восточные уезды Заволжья, здесь большое значение сохраняли традиционные пути из многонациональных соседних губерний Средней Волги. Однако и в этих уездах русские составляли самую большую этническую группу новоселов. За 1799—

---

<sup>12</sup> РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Д. 3896. Л. 3, 7, 12.

<sup>13</sup> РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 45; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 558. Л. 64 об.

1811 г. среди переселенцев в Бугурусланский (10,5 тыс. ревизских душ) и Бугульминский (19 тыс. душ) насчитывалось соответственно 6,3 тыс. и 9,1 тыс. русских крестьян [11, с. 92–93].

При преобладании стихийного начала, естественного для вольной крестьянской колонизации, правительство все же пыталось регулировать этот процесс. По именному указу 1797 г. подтверждалось наделение организованных переселенцев из казенных крестьян «препорцией» Межевой инструкции в 15 дес. на ревизскую душу, предоставлялось пособие (на семью 12 руб.) и освобождение на 3 года от уплаты податей и рекрутской повинности<sup>14</sup>.

В 1805 и 1808 г. были утверждены правила о переселении казенных крестьян из внутренних губерний на окраины, согласно которым первоочередное право на переселение предоставлялось жителям малоземельных селений (имевшим менее 2,5 дес. наделной земли на душу м.п.), уточнялись нормы наделения землей, денежных ссуд, налоговых льгот [11, с. 89–90]. Однако крестьяне чаще предпочитали «синицу» самовольного перехода «журавлю» обещаний, терявшемуся в недрах бюрократических учреждений.

Наряду с казенными активно переселялись в Заволжье на еще свободные земли удельного ведомства по правому берегу Волги в Самарском и Ставропольском уездах дворцовые крестьяне. В 1794 г. в с. Верхнее Санчелеево перевели несколько десятков дворцовых крестьян из Краснослободского уезда Пензенского наместничества. Неподалеку возникли мордовские деревни Васильевка и Мусорка. Основателями последней стали новокрещены, пришедшие в 1795 г. из Алатырского (289 чел. обоего пола) и Котьяковского уездов (53 чел.) Симбирского наместничества. Новокрещенная мордва из Алатырского уезда также основала деревню Спиридоновку (177 чел.)<sup>15</sup>.

Правительство пыталось стимулировать и регулировать процесс крестьянских переселений налоговыми льготами. Эти льготы неоднократно подтверждались и уточнялись на протяжении всей первой половины XIX в. Важную роль в этом сыграли руководители Министерства финансов (Е.Ф. Канкрин), Министерства государственных имуществ (П.Д. Киселев), Департамента уделов, которые поддерживали процесс освоения новых земель, в том числе допуская легализацию самовольных переселений.

В первую очередь, был на деле запущен механизм переселений, предусмотренный действующим законодательством, но буксовавший в реальной практике. С 1815 по 1823 г. в малолюдный и многоземельный Бузулукский уезд прибыло из разных мест всего 454 душ муж.

---

<sup>14</sup> ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. XXVI. № 19500.

<sup>15</sup> ГАУО. Ф. 156. Оп. 3. Д. 16. Л. 619–628, 652–659 об., 700, 706 об., 725, 727 об.; Д. 17. Л. 739–740.

пола, а убыло в другие уезды и губернии — 392 души, то есть прирост за счет переселений составил всего 62 душ м.п., или 0,2 % от числа жителей уезда по ревизии<sup>16</sup>.

Е.Ф. Канкрин 6 июля 1824 г. специальным распоряжением подтвердил правила переселения крестьян 1805–1808 гг., а 11 июля 1825 г. последовало его новое распоряжение о строгом соблюдении казенными палатами 15-десятинной пропорции при наделении переселенцев землей и об освобождении их от платежей и рекрутских повинностей в продолжение 3 лет. 7 октября 1826 г. Министерство финансов направило в Департамент государственных имуществ предписание о том, чтобы местные казенные палаты способствовали переселению крестьян. В частности, казенные палаты должны были вести наблюдение за распределением землемерами угодий и наделов с тем, чтобы лучшие из них не отводились только одной партии переселенцев; следить за своевременной выдачей семян для посева; отводить переселенцам безденежно лес для построек и предоставлять временные квартиры; принимать меры к сохранению их здоровья. Вторым шагом стало совершенствование законодательной базы. 31 января 1831 г. были обнародованы утвержденные Николаем I Положения Комитета министров о переселении, которые уточнили все предшествующие циркуляры и предписания на этот счет. В Положении говорилось, что казенные палаты должны заблаговременно выделять переселенцам участки земли по 15 дес. на ревизскую душу, обмежевывать и наносить их на планы. На обстройку переселенцам выдавалось пособие от 50 до 100 руб. в зависимости от наличия на местах лесного материала. Специально оговаривалось право переселенцев на получение в пути следования квартир, пользования пастбищами и на бесплатную медицинскую помощь. Подтверждалось постановление о трехлетней льготе по уплате податей и в отбытии рекрутской обязанности [11, с. 90].

Успехи в освоении новых земель не замедлили проявиться. С 1824 по 1829 г. в Оренбургскую губернию перебрались или изъявили желание перейти 35146 душ м.п.<sup>17</sup>

Бросается в глаза окончательная смена главного направления движения переселенцев в Заволжье и на Южный Урал. Поволжье, дававшее в XVIII в. основное число сходцев, из которых формировалось население новоприсоединенных территорий, теперь стало одним из второстепенных регионов выхода. Относительная его значимость сохранялась только благодаря выходцам из Пензенской и правобережных уездов Саратовской губерний, откуда прибыло 26 крупных (в среднем более 100 душ м.п. в каждой) переселенческих партий (3213 душ м.п.).

---

<sup>16</sup> ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 7850. Л. 76–87 об.

<sup>17</sup> Подсчитано здесь и ниже по: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 379. Оп. 1. Д. 867. Л. 68–122.

Симбирская и Казанская губернии были представлены буквально единицами новоприбывших.

Почти девять из каждых десяти переселенцев являлись выходцами из сравнительно отдаленных черноземных губерний центра страны и прилегающих к ним центральных губерний, лежащих к югу от Москвы. Особенно бросается в глаза приток государственных крестьян из Курской губернии, давшей две пятых всех новоселов края (13461 душа м.п.) и самые большие по численности переселенческие партии (80 партий, в среднем почти по 170 душ каждая). Почти столько же, сколько курян, прибыло жителей Воронежской и Тамбовской губерний, вместе взятых (13073 души м.п.). По числу переселенческих партий (205) они даже превосходили курских выходцев, но в среднем эти партии были не столь многочисленными.

Любопытно, что из пяти губерний, давших наибольшее число переселенцев (Курской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской), территориально ближе всего к Оренбургской находится Пензенская губерния, которая занимает в этом списке последнее место по числу выходцев, а Курская отстоит на самом дальнем расстоянии. Национальный состав основных губерний выхода определял окончательно утвердившуюся новую этническую окраску переселенческого процесса. В нем теперь преобладал русский элемент, некоторое разнообразие вносили мордовские и украинские жители перечисленных губерний, малозаметным стало участие чувашей и татар.

С 1837 г. контроль за ходом переселенческого дела был возложен на образованное тогда же Министерство государственных имуществ, возглавленное П.Д. Киселевым. В результате новой большой волны переселений с 1838 по 1843 г. во всей России было переселено свыше 17 тыс. семей государственных крестьян, из них 4283 семей, то есть более четверти, прибыло в завожские уезды Саратовской губернии, Николаевский и Новоузенский<sup>18</sup>.

Основную массу переселенцев составляли люди, приходившие издалека и в поисках лучшей доли претерпевавшие немало лишений. На основании сообщений с мест П.Д. Киселев подал доклад на высочайшее имя и получил повеление императора о предоставлении переселенцам казенного леса на 3004 семей, как новоселов, так и прибывших до 1838 г. Со своей стороны, министр дополнительно распорядился, чтобы Саратовская казенная палата выдавала крестьянам ссуды до 14 руб. серебром на перевозку леса с пристаней. Меры, принятые по обеспечению переселенцев строительными материалами, дали вскоре положительный результат<sup>19</sup>.

---

<sup>18</sup> РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 523. Л. 89.

<sup>19</sup> Там же. Л. 74–76, 78–79.

С 1842 г. Совет Министерства государственных имуществ рекомендовал разрешать переселения крестьянам всех тех губерний, где на казенную ревизскую душу приходится в среднем менее 8 дес. надельной земли и недостаток нельзя было восполнить из свободных государственных земель. Правда, делалась оговорка, что надо учитывать при этом состояние крестьянских занятий отходами и промыслами и организовывать переселения преимущественно из тех губерний, «в которых крестьяне менее промышленны и более претерпевают от неурожаев»<sup>20</sup>.

Для лучшего управления переселенческим движением и аграрным освоением Заволжья были приняты важные административные решения. 1 января 1851 г. была образована Самарская губерния, в которую вошли левобережные уезды Симбирской и Саратовской губерний, а также примыкавшие к ним западные уезды Оренбургской губернии [10, с. 334–335]. Во всех них еще оставалось достаточно много свободных земель, хотя и успехи их включения в хозяйственный оборот уже были налицо.

За 115 лет, прошедших от начала массового земледельческого освоения до 1851 г., население Самарского Заволжья достигло 1,5 млн чел. Здесь, как и на других территориях России «приобрела новые и закрепила за собой приобретенные раньше природные ресурсы, несомненно, являющиеся богатством страны и ее народа» [7, с. 525].

Эти успехи были достигнуты в основном за счет постоянного притока переселенцев. Первоначально он вызывался желанием избежать податного пресса, но затем все более стимулировался самим государством с помощью фискальных льгот, предоставления обильных и плодородных земель, способствующих подъему крестьянского хозяйства, в том числе с целью исправного платежа налогов и несения повинностей.

## Литература

1. *Акманов А.И.* Межевые работы на башкирских землях в конце XVIII–XIX вв. // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1(1). С. 731–733.
2. *Артамонова Л.М.* Использование массовых источников и устных преданий при реконструкции освоения лесостепного Заволжья в 1750–1760-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 471–475.
3. *Артамонова Л.М.* Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год. М.; Брянск, 2012. С. 222–230.

---

<sup>20</sup> РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 359. Л. 40.

4. *Артамонова Л.М.* Социальное и правовое сознание государственных крестьян Поволжья по наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2009. № 1. С. 88–90.
5. *Витевский В.Н. И.И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1891. Вып. 3. С. 369–616.
6. *Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Артамонова Л.М., Смирнов Ю.Н. и др.* «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 1. Очерки истории. Самара, 2013.
7. *Мионов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2012. (2-е изд.).
8. *Смирнов Ю.Н.* Легализация беглых и самовольных переселенцев в ходе колонизации юго-востока Европейской России в XVIII – первой половине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 191–195.
9. *Смирнов Ю.Н.* Народ и власть в освоении Российского Заволжья: XVIII – середина XIX вв.: дис. ... док. ист. наук. М., 1999.
10. *Смирнов Ю.Н.* Переустройство юго-восточных губерний дореформенной России в процессе их освоения // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 331–336.
11. *Тарасов Ю.М.* Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984.
12. *Якунин В.Н.* История Самарской епархии. Тольятти, 2011.